

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вопросы истории,
международных отношений
и
документоведения

Выпуск 7

Сборник материалов
Российской молодежной
научной конференции

Издательство Томского университета

2011

истории (см. табл. 2). В рассказах все очень спорно и субъективно. Но доподлинно известно, что прадед воевал в Европе, что его действительно взяли в плен и он смог оттуда бежать.

Табл. 2. Сводная таблица воспоминаний В.М. Тюлина² и Е.В. Тюлиной³

Тюлин В.М.	Тюлина Е.В.
Мой отец ушел на войну в 1941 г. Помню лишь одно – он воевал в Европе. Там его и товарищей немцы взяли в плен. Позже немцы сказали «Ведите нас к русским!». Они повели.	Дедушка воевал доблестно. Но в Европе немцы его с товарищами взяли в плен. Позже другие русские военнопленные решили устроить побег и тщательно его спланировали. Побег удался, и дед через всю Европу пришел домой. Потом дед говорил, что «какие они с товарищами были глупыми, а те, кто смог организовать побег – умными».
В то время русские уже наступали на немцев и когда фашисты увидели наших военных, сами бросили оружие. Так отец с товарищами поменялся местами с немцами: теперь фашисты были у них в плену. Отец вернулся домой в 1945 г. или в 1946 г	Пока дед воевал, семья работала не покладая рук: ездили за дровами в лес, заготавливали их. Работали в колхозе.»

В данном исследовании было зафиксировано, что при сравнении семейных историй старшего и младшего поколений, тексты качественно отличались. Здесь важна позиция автора рассказа в семейной жизни. Эту позицию можно определить, например, семейным статусом, возрастной категорией. Например, Владимиру Михайловичу Тюлину, сыну М.Н. Тюлина, было всего 3 года, когда отец ушел на войну, поэтому он ничего существенного, как оказалось, рассказать не может, в это же время одной из дедушкиных старших сестер на момент начала войны было 14 лет. Следовательно, она помнит больше.

Таким образом, можно выделить еще один фактор, влияющий на семейную историческую память, – индивидуальный. Ретроспективная по своей природе индивидуальная память может базироваться на утверждении, что сохранившиеся фотографии, личные вещи и документы военных лет М.Н. Тюлина, тоже можно назвать частью семейного рассказа.

Закономерно высказать и еще одно предположение в контексте рассматриваемой проблемы. Позиции и отношения среди родственников на один и тот же документ (военный билет, грамота, справка о демобилизации) вызывают неоднозначную реакцию. Возможно, это свидетельствует о социально-психологическом восприятии документа в контексте эпохи: голод, война, смерть близких, изнурительный труд. В этом выявляется взаимодействие коллективного исторического восприятия исторического отрезка времени, что приводит к гендерному восприятию Великой Отечественной войны. Анализируя текст табл. 2, можно обратить внимание на следующую деталь индивидуальной памяти: у мужчин – стремление к описанию боевых действий, у женщин – описание бытовых условий жизни войны.

Таким образом, документы Великой Отечественной войны из семейных «архивов» в современном обществе начинают играть ключевую роль в формировании исторической памяти о героических и одновременно драматических событиях страны в целом и отдельно взятой семьи в частности.

Литература

1. *Коптелов А.О.* Экзистенциальные аспекты общественно-исторической памяти // Диалог мировоззрений: коллективная социально-историческая память и вызовы современности: X Международный симпозиум. Н.-Новгород, 2009.
2. *Тавокин Е.П., Табатадзе И.А.* К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // СОЦИС. 2010. № 5.
3. *Афанасьева А.И., Меркушкин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // СОЦИС. 2005. № 8.
4. *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО. 2009.
5. *Алейкин Р.М.* Коллективная историческая память и проблема идентичности общества // Диалог мировоззрений: коллективная социально-историческая память и вызовы современности: X Международный симпозиум. Н.-Новгород, 2009.

О.В. Матюхина

«БРЕД БЕЗУМЦА», КОТОРЫЙ «РВУТ ПО РУКАМ»: П.Я. ЧААДАЕВ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО (1830-е гг.)

Рассматривается отношение русского общества к публикации первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева и определяются причины популярности его идей.

Ключевые слова: «Философическое письмо», П.Я. Чаадаев, русское общество.

² Отец М.Н. Тюлина, дед автора статьи

³ Бабушка автора статьи.

После публикации первого «Философического письма» Петра Яковлевича Чаадаева прошло уже более полутора веков. На первый взгляд кажется, что споры по его поводу, доносы, официальное запрещение публикации и объявление автора сумасшедшим могли бы уже быть забытыми. Но до сих пор почти в каждом исследовании по истории становления русской философии, в главе, посвященной «басманному» философу, сообщается, что П.Я. Чаадаев – «зеркало», в которое смотрится Россия на переломных этапах своей истории. И действительно, до сих пор «Философическое письмо» может вызвать бурную эмоциональную реакцию – от безусловного принятия до полного отторжения. Многие историки, анализирующие этот источник, задавались одним и тем же вопросом: кем же являлся автор «Письма» – патриотом или ненавистником России? Мнения давно разделились, но есть обстоятельство, которое объединяет всех историков, – признание того, что публикация первого «Философического письма» стала важнейшим этапом в формировании русского исторического самосознания. И наиболее точно роль П.Я. Чаадаева в этом процессе оценил Д.С. Лихачев, написавший следующие строки: «Чаадаева стыдно прятать. Те, кто прячет его, очевидно, в тайне верят, что в своем отрицании значения России Чаадаев «может быть и прав». Неужели не понять, что Чаадаев писал с болью и эту боль за Россию сознательно растравливал в себе, ища возражений» [1. С. 401]. И как раз после публикации «Философического письма» автор нашел эти самые возражения в русском обществе. Статья была воспринята в обществе с большим интересом. Причинам популярности публикации философа и посвящена данная статья.

Необходимо отметить, что первой реакцией общества были отзывы не на рациональном, а на эмоциональном уровне. Это не удивительно, ведь статья П.Я. Чаадаева, опубликованная в журнале «Телескоп» осенью 1836 г., затрагивала чувство национального достоинства людей совершенно разных профессий и взглядов. Поэтому анализируя источники, которые содержат информацию, в частности, об отношении интеллигенции к чаадаевским идеям, стоит учитывать, что эта информация экспансивна и вследствие этого может быть субъективной. Особый интерес для исследователя представляет аргументация согласия или несогласия с идеями «Философического письма», поскольку она позволяет понять истоки столь разных оценок политической и интеллектуальной элиты России 1830-х гг. не только прошлого и настоящего страны, но и ее будущего.

Известно, что общественный резонанс, вызванный публикацией первого «Философического письма», был огромным, и правительство, естественно, не могло оставить это без внимания. Отношение императора к автору «Письма» можно обозначить таким термином как «карательная психиатрия», в данном случае означая особый способ борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании действующего законодательства. П.Я. Чаадаев был выдающимся представителем либерального направления общественной жизни первой половины XIX в. А русский либерализм этого периода является примером автономного от государства самостоятельного критического мышления. Поэтому философ и стал одним из первых людей в России, не разделивших официальной идеологии и потому испытавший на себе меры карательной медицины. Он был признан врачами-психиатрами умалишённым, получил распоряжение пройти принудительное «лечение» и неотлучно находиться дома под медицинским надзором. Журнал, опубликовавший «бред безумца», был закрыт, а его редактор Н.И. Надеждин отправлен в ссылку.

Важно проследить мотивы, подтолкнувшие императора к выбору между двумя версиями-объяснениями дела П.Я. Чаадаева, – преступление или безумие. Николай I выбрал второе, и именно это решение должно было, по замыслу, дискредитировать идеи П.Я. Чаадаева и, следовательно, оставить их без обсуждения. Тем самым исключалась сама возможность легальной дискуссии о статье, в том числе и в западной прессе, в то время как ответить хотели многие. Но эти меры не стали карательными для чаадаевских идей в полной мере, а, наоборот, содействовали их популярности. Подтверждение актуальности поставленных «Философическим письмом» проблем в русском обществе дает информация из многочисленных источников – публицистики, частной переписки, мемуаров, датированных 1836 г. и позднее.

В этом смысле особый интерес представляют записки сенатора К.Н. Лебедева, в которых он делится впечатлениями от прочтения первого «Философического письма».

Приводя по памяти некоторые его идеи, автор записок обращает внимание на то, что достать журнал с публикацией П.Я. Чаадаева невозможно, этот номер «рвут по рукам». Сенатор пишет, что П.Я. Чаадаев признался в состоянии помешательства, на момент написания своего «письма», однако, по его мнению, доверия это признание не заслуживает. Примечательно, как К.Н. Лебедев анализирует запрещение «Философического письма»: «Хорошая или дрянная вещь приобретает знаменитость через запрещение, ее ловят, добиваются, читают, переписывают...а не будь она запрещена, ее десятая бы доля не знала и не заметила, прочитавшие прочли бы с равнодушием и не сказали бы о ней ни слова» [2. С. 497]. Сенатор считает, что бессмысленно запрещать и ложь, и истину: «Хоть вы учредите заключение, инквизицию, костры, – истина всегда возьмет свое, и чем больше настроят лесов и подпорок, тем появление ее наделает больше шуму и ломки» [2. С. 498].

На эту же тему рассуждал И.И. Панаев, писатель и журналист, издатель журнала «Современник», в своих воспоминаниях. Он отмечал, что все запретительные меры относительно литературы никогда не действовали

ей во вред. Запрещение журнала возбуждало в публике сочувствие к журналисту (П.Я. Чаадаеву), подвергнутому опале, а статья приобретала популярность не только между грамотными людьми, но даже и между полуграмотными, «которые придавали ей Бог знает какие невежественные толкования» [3. С. 506]. Таким образом, современниками подтверждаются популярность и интерес в обществе к «Философическому письму».

Действительно, отчасти популярность статьи П.Я. Чаадаева объясняется именно ее запретом, поскольку идеи «басманного философа» были хорошо знакомы, например, А.С. Пушкину, М.П. Погодину и другим близким друзьям автора еще в 1830 г., о чем свидетельствует их частная переписка [4. С. 100]. Тогда «Философическое письмо» не вызывало той бурной реакции и общественного взрыва, который сопровождал его появление в печати в 1836 г. Поэтому все карательные меры, направленные против П.Я. Чаадаева, не выполнили своего предназначения, а лишь способствовали популярности его «Письма».

Возможно, если бы государство оставило без внимания публикацию философа, а, следовательно, она не стала бы столь известной, то имя П.Я. Чаадаева было бы бесследно забыто, а современные историки не обращались бы к теме «Философического письма» с таким интересом. Современный опыт развития PR-технологий показывает, что даже из незначительного, непримечательного события, литературного или любого другого, можно сделать популярный и востребованный в обществе продукт. Нельзя игнорировать и тот факт, что идеи «Философического письма» были новыми для того времени и привлекали внимание, прежде всего, своей новизной и оригинальностью. Остаться равнодушным к таким идеям было крайне сложно. Сохранилась интересная цитата самого П.Я. Чаадаева, в которой он выразил смысл того, что случилось с ним и его публикацией. Он писал: «Слово звучит лишь в отзывчивой среде» [5. С. 179]. Так что же сделало «Философическое письмо» таким популярным в русском обществе первой половины XIX века: карательные меры и шум вокруг статьи, новизна и оригинальность идей или отзывчивая среда, которая актуализировала те проблемы, о которых писал философ?

Необходимо отметить, что в первые годы николаевского царствования, когда память о разгроме декабристов оставалась еще свежей, критическое отношение к ситуации в России, неприятие николаевской действительности, доходившее до горьких обвинений в адрес родины, были распространенным явлением. Однако общественный взрыв после публикации «Философического письма» оказался не сравним ни с каким другим литературным событием того времени. «Письмо» стало провокацией общественной мысли в период напряженной социальной обстановки. Представители различных направлений по-разному восприняли публикацию «Письма», но однозначно можно сказать, что оно повлекло за собой бурную ответную реакцию, и вопросы, рассматриваемые П.Я. Чаадаевым, нашли отклик в сердцах его современников. Этот протест заставлял философов, писателей и других представителей интеллигенции ставить и исследовать принципиально важные, но ранее не разрабатывавшиеся проблемы определения исторического предназначения России, формирования национального самосознания. Сторонники идей П.Я. Чаадаева оформились в западников, а критики – в славянофилов. Таким образом, публикация способствовала началу идейного и организационного оформления славянофильства и западничества, двух течений определивших развитие русской философской мысли первой половины XIX века. Важно учитывать, что и идеи самого П.Я. Чаадаева, и реакцию общества на его идеи нельзя оценивать однозначно, так как 30-е гг. XIX в. – это только предыстория в осмыслении, притягивании/непритягивании идей П.Я. Чаадаева. И для того чтобы посмотреть в это самое «зеркало Чаадаева», все источники того времени требуют тщательного и всестороннего анализа.

Литература

1. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек. Л., 1989.
2. Из записок К.Н. Лебедева // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.
3. Из воспоминаний Н.И. Панаева // П.Я. Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989.
4. Переписка А.С. Пушкина: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
5. П.Я. Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989.

И.А. Новиков

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО XIX – НАЧАЛА XX в. ОБ АРТЕЛЯХ

Рассматриваются различные трактовки артельного объединения в русском дореволюционном законодательстве и показывается эволюция его понимания в отечественном писаном законе.

Ключевые слова: артель, русское законодательство, организация труда, самоорганизация

Обширность исследований по истории отечественной практики коллективного хозяйствования не свидетельствует об исчерпанности этой темы. Замечено, что до сих пор не изученным остаётся «основной элемент, организовывавший труд и быт рабочих дореволюционной России, – артели» [1. С. 7]. Не в последнюю очередь это связано с крайне расплывчатым пониманием самого слова «артель» в историографии.